

Психологические науки

УДК 159.9

АНТРОПОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЦЕННОСТНО-ПОТРЕБНОСТНОЙ ДИАГНОСТИКИ ПРЕДРАСПОЛОЖЕННОСТИ К КОРРУПЦИИ ЧАСТЬ I. АНТРОПОПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОГО ПОВЕДЕНИЯ²

В.Г. Морогин, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова (Абакан, Россия), e-mail: morogin_vg@khsu.ru

Аннотация. В статье обсуждаются современные точки зрения на проблему коррупции и коррупционной преступности. Констатируется, что в правительственных и социологических источниках коррупция рассматривается как общественный феномен, поэтому и методы борьбы с ней носят формально-бюрократический характер. Но коррупция появляется там, где есть власть и деньги, а субъектами коррупционного поведения являются конкретные люди. Психологический подход к решению этой проблемы ставит в центр внимания «человеческий фактор». Предпринимается попытка реконструкции психологических предпосылок появления человека современного типа, не прибегая к помощи креационистских концепций. В методологическом плане мотивационная модель видовой неоднородности человека опирается на палеопсихологическую теорию антропогенеза Б.Ф. Поршнева и концепцию видизма. Согласно такой точки зрения антропологической детерминантой коррупционного поведения является принадлежность субъекта коррупции к одному из хищных видов рода Homo Sapiens.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, хищные и нехищные виды, адельфофагия, суперанимал, суггестор, диффузный вид, неоантроп.

ANTHROPOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL BASES OF VALUE-NEED DIAGNOSTICS OF PREDISPOSITION TO CORRUPTION PART I. ANTHROPOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL DETERMINANTS OF CORRUPTIVE BEHAVIOUR

Abstract. The article discusses the modern point of view on the problem of corruption and corruption-related crimes. It is stated that the government and sociological sources of corruption are seen as a social phenomenon, so the methods of dealing with it are formal and bureaucratic. But corruption occurs where there is power and money, and the subjects of corrupt behavior are real people. Psychological approach to solving this problem brings into focus the "human factor". the author makes an attempt of reconstruction of psychological prerequisites for the emergence of modern human, without the help of creationist ideas. In terms of logical-methodological motivational the model of inhomogeneity of species base on paleopsychological theory of anthropogenesis of B.F. Porsnev and concept of vidizm. According to this view, anthropological and psychological determinant of corruption behavior is affiliation of subject of corruption to one of the predatory species of the genus Homo Sapiens.

² Вторая часть данной статьи: Морогин В.Г. Антропологические основания ценностно-потребностной диагностики predisposition к коррупции. Часть II. Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, predisposition к коррупции // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2016.- № 3.- С. 162-178.

Keywords: corruption, corruptive behavior, predatory and non-predatory species adelphophagy, superanimal, suggestor, diffuse species, neoanthropoid

Проблема коррупции в российском истеблишменте стала активно обсуждаться лишь в последнее десятилетие, до 2007 года этот термин в отношении российских чиновников, политиков, сотрудников, так называемых правоохранительных органов, бизнесменов, журналистов и прочей публики, так или иначе приближенной к власти или к денежным потокам, практически не употреблялся. Сложилась странная ситуация – весь мир погряз в коррупции, а у российской властной элиты, ведущей непримиримую, но успешную «борьбу со злоупотреблениями и преступностью» нет даже определения этого феномена. Нет его и сегодня. Главный вопрос в том, что считать коррупцией, какие действия российских чиновников, политиков, бизнесменов, журналистов и т.п. подпадают под определение коррупции. Если должностное лицо берет взятку, это – однозначно коррупция. Но когда депутат «проталкивает» в ГД новый закон, явно лоббированный и проплаченный четко идентифицируемыми олигархическими объединениями – это нормальная практика депутатской деятельности. А как квалифицировать тот факт, что многие народные депутаты самого разного уровня или их помощники имеют уголовное прошлое. Разве сращивание власти с криминалитетом – это не коррупция?

Беспредельному распространению коррупции во всех властных структурах способствовали и экономические, и социальные, и политические факторы. Важную роль в нарастании коррупционной угрозы сыграло отсутствие идеологической базы в российском обществе постсоветского периода. В частности, вопросами патриотического воспитания подрастающего поколения в России уже давно никто не занимается. А средства массовой информации, имеющие все возможности для осуществления идеологического влияния, и призванные выполнять эту задачу, наоборот, стали источником рекламы противоправного поведения, в том числе и коррупционного. Угрожающее нарастание коррупционных процессов практически во всех сферах общественной жизни: политической, правовой, социальной, идеологической, экономической, в конце концов, неизбежно ведет к краху не только российской экономики (судя по валютному курсу рубля, это уже случилось), но всего государственного строя в целом. Поэтому проблема коррупции актуальна не только для власти, но и для каждого российского гражданина. И хотя термин «коррупция» сейчас очень популярен среди журналистов и ученых-правоведов, серьезные исследования коррупции и коррупционного поведения практически отсутствуют. Все дело в том, что, поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, глубинная причина коррупции – психологическая. А власть, и первая – исполнительная, и вторая – законодательная, и третья – судебная, юридическая, и четвертая – информационная (журналисты), и пятая – криминальная, стремится переместить проблему в сферу экономики, политики, общественных отношений, и как можно дальше увести ее от психологического рассмотрения. Это и понятно, поскольку психологический анализ сразу же переводит проблему в конкретную плоскость – коррупция процветает там, где есть власть и деньги.

С другой стороны, проведено много исследований, в которых отражены правовые и экономические аспекты коррупционного поведения, однако анализ и интерпретация их результатов осуществляется на формальном юридическом языке или с использованием экономической терминологии, которая исключает из коррупционного процесса самое главное – личность коррупционера. А в самой психологии отсутствует сколько-нибудь внятная объ-

яснительная модель данного феномена.

Такое положение дел объясняется, прежде всего, методологическими трудностями, с которыми сталкивается исследователь социально-психологических аспектов коррупции. А «без психологически обоснованных подходов здесь вряд ли что-то можно сделать, ибо коррупция — только в ее последствиях правовая и экономическая проблема, а исходно — сугубо психологическая и общечеловеческая» [3]. К такому выводу приходят те немногочисленные авторы, которые пытаются заниматься психологическим анализом этой очень неудобной для власти проблемы.

А.Л. Журавлев и А.В. Юревич [4] предприняли попытку теоретико-психологического анализа проблемы коррупции, но их предложения по организации дальнейших исследований психологических детерминант коррупционного поведения сводятся к общим рассуждениям и пожеланиям, которых и так достаточно в юридической, экономической и политической литературе, а в плане конкретных психологических приемов диагностики коррупционного поведения предлагается полиграфическое исследование, ценность которого самими же авторами убедительно опровергается. Психологические исследования коррупционного поведения, предпринятые О. Ванновской [1] носят более конкретный, приближенный к жизни характер, но сама трактовка феномена коррупции, а также методы, предлагаемые для ее исследования настолько традиционны и стандартны, что смотрятся просто наивно.

Актуальность проблемы коррупции в российском обществе, прежде всего, в том, что даже те показушные усилия власти, имитирующие борьбу с коррупционной преступностью, свидетельствуют о ее глубоком проникновении в российское общество, о том, что практически все сферы общественной жизни поражены этой «коррозией».

Формирование и развитие властных и общественных структур всегда сопровождается негативными явлениями, проявляющимися в корыстных злоупотреблениях государственных чиновников и должностных лиц, бизнесменов и коммерсантов, «народных избранников» и общественных деятелей. В целом этот проблемный комплекс и обозначается термином «коррупция» (от латинского *corruptio* – порча, подкуп). Он определяется как преступление, заключающееся в прямом использовании должностным лицом прав, предоставленных ему по должности, в целях личного обогащения; коррупцией называют также подкуп должностных лиц, их продажность.

В документах ООН коррупцией называется злоупотребление государственной властью с целью получения личной выгоды, а в федеральном законе Российской Федерации коррупция – это «злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или третьих лиц, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами, а также совершение таких деяний от имени или в интересах юридического лица» [12]. Проникая во все сферы жизни общества и государства, коррупция тормозит развитие нормальных общественных отношений, обостряет социальные проблемы и представляет серьезную угрозу безопасности страны. Политики и социологи утверждают, что коррупция – обязательный атрибут любого общества, и искоренить ее полностью невозможно. Поэтому она существует и в развивающихся, и в экономически развитых странах. Согласно мировому рейтингу уровня коррупции, ежегодно составляемому международной

неправительственной организацией Transparency International, Россия является одной из самых коррумпированных стран мира: в 2011 году по показателям «коррупционной чистоты» она с индексом 2,4 занимала 143-е место среди 183 стран [7].

Основной критерий, по которому оценивается «коррупционная чистота» государства – Индекс восприятия коррупции (The Corruption Perceptions Index) – результат социологического исследования и сопровождающий его рейтинг страны по распространенности коррупции в государственном секторе. Методика расчета опирается на общедоступные статистические данные и на результаты глобальных экспертных опросов [16]. В рамках этого исследования коррупция трактуется как любые злоупотребления служебным положением с целью получения личной выгоды. Ориентация на экспертизу объясняется тем, что статистические данные, например, число уголовных дел или судебных приговоров по фактам коррупции, во-первых, не всегда доступны, а во-вторых, отражают скорее эффективность работы правоохранительных органов по выявлению и пресечению коррупционных преступлений, чем реальный ее уровень. В этой ситуации более надежным источником информации является мнение и свидетельство тех, кто непосредственно сталкивается с коррупцией или профессионально занимается ее изучением.

Индекс восприятия коррупции – сводный индикатор, который рассчитывается на основе данных, полученных из международных экспертных источников. Степень распространенности коррупции оценивается как зарубежными экспертами, так и проживающими в конкретной стране, ее интегральный индикатор представляет собой результат опросов предпринимателей, аналитиков по оценке коммерческих рисков, специалистов по конкретным странам из различных международных организаций. Индекс ранжирует страны и территории по шкале от 0 (самый высокий уровень коррупции) до 100 (самый низкий уровень коррупции) на основе экспертного восприятия уровня коррумпированности государственного сектора.

Для обеспечения достоверности первичной информации, используемой при составлении Индекса, и валидности итоговых результатов требуется не менее трех источников. В целом, Индекс восприятия коррупции является достаточно надежным инструментом, но, вместе с тем, ему присущи и некоторые недостатки. Например, надежность оценок не для всех стран одинакова – Индекс и соответствующий ему рейтинг, полученный на основе относительно небольшого числа источников, которые к тому же характеризуются большим разбросом в оценках, могут в итоге оказаться не вполне адекватными. Кроме того, при расчете Индекса используются усредненные данные, собранные за три последних года, поэтому этот показатель дает представление о текущих оценках уровня коррупции, почти не фокусируясь на происходящих из года в год изменениях. Индекс не всегда отражает реальную динамику явления, его колебания могут быть обусловлены корректировкой выборки, методологии и источников информации, а место страны в общем рейтинге может сильно измениться уже потому, что изменился список стран, подвергшихся исследованию.

Опыт борьбы с коррупцией показывает, что прозрачность деятельности государственных структур и их строгая подотчетность решают проблему только отчасти, в частности, даже страны-лидеры по «коррупционной чистоте» не преодолели проблему «приватизации государства»: нарушение принципов финансирования избирательных кампаний и надзора за исполнением крупных государственных контрактов остаются основными источниками коррупционных рисков. Хуже всего обстоят дела в государственном секторе, особенно в таких областях, как деятельность политических партий, работа органов охраны правопо-

рядка и функционирование судебных систем. Любые благие начинания – будь то борьба с изменением климата, экономическими кризисами или нищетой – неизбежно сталкиваются с коррупционными препятствиями.

Очередное исследование, проведенное Transparency International в 2013 году, показало, что Российская Федерация в коррупционном рейтинге поднялась на шесть строк и заняла 127 место, но не за счет собственных достижений в борьбе с этим явлением (все те же 28 баллов), а из-за провала конкурентов. Наилучшие результаты в борьбе с коррупцией показали Дания и Новая Зеландия – 91 балл, на третьей строчке рейтинга – Финляндия с 89 баллами. В первую десятку попали также Швеция, Норвегия, Сингапур, Швейцария, Нидерланды, Австрия и Канада. Самыми коррумпированными государствами признаны Сомали, КНДР и Афганистан, набравшие по восемь баллов. В нижней части списка расположились Сирия, Ливия, Гаити, Туркмения и Узбекистан. В целом серьезные коррупционные проблемы имеют 70% стран – они набрали менее 50 баллов [14].

Неутешительные результаты, полученные в этом исследовании, вовсе не означают, что борьба с коррупцией – пустое и неблагодарное занятие; снижать количество коррупционных преступлений необходимо всеми возможными средствами. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» коррупция позиционируется как одна из основных угроз национальной безопасности России. С 2008 года федеральная власть предпринимает активные меры по борьбе с коррупцией, основу которых составляют такие нормативно-правовые документы как Федеральный закон «О противодействии коррупции», Указ Президента РФ «О мерах по противодействию коррупции», Национальный план противодействия коррупции [11; 12].

Но, несмотря на шумные антикоррупционные кампании, ситуация в России за последние годы не изменилась. Ее соседями по коррупционному рейтингу с теми же 28 баллами стали Азербайджан, Мадагаскар, Гамбия, Ливан, Мали, Никарагуа, Пакистан и Коморские острова. Из стран СНГ наиболее «коррупционно чистыми» признаны Белоруссия (123-е место), Молдавия (102-е место) и Армения (94-е место).

Коррупция – сложное явление, обладающее сильным «иммунитетом» к традиционным методам борьбы с ней. По-видимому, это более широкое понятие, чем коррупционная преступность, составляющая ядро коррупции и позволяющая отслеживать основные тенденции ее количественных и качественных изменений. Поэтому сферу коррупционных проявлений можно разделить на коррупционную преступность и иные деяния коррупционного характера.

Данные опроса населения, проведенные агентством Profi Online Research, свидетельствуют, что 70% российских граждан не доверяют данным, которые чиновники обнародовали в декларациях о доходах и имуществе. Наиболее коррумпированными сферами деятельности выглядят государственная служба (65% опрошенных) и юриспруденция (47%). Согласно официальным данным органов внутренних дел ущерб от коррупции в России составляет 4,7 млрд. руб. в год. Но в этой статистике учтены только выявленные нарушения, фактический же ущерб, по мнению экспертов, значительно выше: официальная статистика не отражает и $\frac{1}{20}$ реального объема взяточничества и лихоимства. Реально ущерб от коррупции оценивается триллионами рублей в год, а объективному анализу коррупционных явлений и оценке масштабов коррупции препятствуют сложности, возникающие при выявлении подобных преступлений. Поэтому характеристика российской коррупционной преступности должна опираться не столько на зарегистрированные преступные деяния, сколько

ко на анализ их латентности. Отчетливо прослеживается следующая закономерность: чем выше уровень должностных лиц, участвующих в совершении коррупционных преступлений, тем ниже их выявляемость. Социологические исследования феномена латентности коррупционной преступности показывают, что основной массив выявляемых коррупционных деяний относится к низовому уровню – 7% от фактически совершенных; о коррупционных преступлениях среднего уровня становится известно лишь в 3% случаев. Максимально латентными остаются коррупционные преступления высшего уровня – их выявляемость не более 0,3%.

В конце октября 2014 года президент России Владимир Путин сообщил, что «только 8% взяточников осуждены к реальным срокам лишения свободы; большинство приговорены к штрафам, которые преступники не платят, находя всевозможные нормативные лазейки», а премьер-министр Дмитрий Медведев, обсуждая дальнейшие шаги в направлении борьбы с коррупцией, заявил, что правительство «внимательно приглядывается» к опыту Китайской Народной Республики. В 2007 году в Китае было создано Государственное управление по предупреждению коррупции, которое стало контролировать использование чиновниками властных полномочий и закрыло законодательные лазейки, позволяющие взяточникам уходить от наказания. Например, последний китайский циркуляр запрещает чиновникам получать биржевые акции в качестве подарков, отмывать взятки через азартные игры и договариваться об устройстве на хорошо оплачиваемую работу после отставки. Усилен контроль за провинциальным звеном госаппарата: ограничен политический вес местных элит, их обязали жестко следовать линии центра.

На сегодняшний момент меры, предпринимаемые правительством России в борьбе с коррупцией и коррупционной преступностью, носят либо юридический, либо откровенно запугивающий полицейский характер. Но субъектом коррупционного поведения всегда является конкретный человек, а не группа и не общество в целом, хотя сложившиеся в социуме коррупционные нормы могут способствовать экстенсификации коррупционного поведения. Тем не менее, настоящие причины коррупции кроются не в законе, не в экономике, не в обществе, а в каждой конкретной личности. Поэтому главным звеном в решении этой проблемы следует считать психологический фактор. Наиболее коррумпированными сферами деятельности являются такие, где для коррупции есть реальные материальные основания – власть и деньги. Это, в первую очередь, государственная служба, «правоохранительные» органы, юриспруденция, бизнес-сообщество, СМИ. Высок уровень коррупции в системе здравоохранения, в сфере управления наукой и образованием.

Ведущие российские юристы считают, что для повышения эффективности противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью необходимо осуществлять согласованные действия всех структур, занимающихся вопросами коррупции, по следующим основным направлениям:

- развитие и внедрение общественной антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов;
- обеспечение прозрачности всех административных и правовых процедур, принятия решений, их жесткая регламентация;
- ужесточение ответственности за коррупционные преступления (например, конфискация имущества), а также совершенствование экономических мер противодействия (сделать экономически невыгодным коррупционное преступление);

- расширение международного правового сотрудничества в области противодействия коррупции;
- искоренение сложившейся системы подбора кадров государственной и муниципальной службы по принципу родства, лояльности, личной преданности и дружеских отношений для создания команды «единомышленников»; жесткая регламентация в подборе кадров и контроль доходов должностных лиц, эффективная система поощрения работников;
- развитие системы социального контроля за поведением человека, функционированием институтов, предприятий и организаций, общества в целом;
- формирование у граждан антикоррупционной устойчивости, то есть системы социально-психологических качеств, позволяющих противостоять соблазну злоупотребления служебным положением и полномочиями, даче или получению взятки, подкупа с целью получения выкупа и т.п. через развитие и продвижение соответствующей идеологии, распространяемой как со стороны государства, так и общественных объединений, средств массовой информации.

Уже предпринятые правительством меры по противодействию коррупции рассматриваются только как первый шаг в борьбе с коррупцией и коррупционной преступностью, и пока сложно говорить о серьезных результатах такой работы. В дальнейшем данные мероприятия предполагается ввести в правоохранительную систему, обеспечив активное содействие других органов власти (законодательных, исполнительных, судебных), общественных организаций и бизнес-сообщества. И только общие усилия позволят в будущем снизить уровень коррупции, ликвидировать ее системные проявления и, соответственно, размеры ущерба, наносимые социально-экономическому развитию страны [15].

Совершенно очевидно, что такая концепция борьбы с коррупцией и коррупционной преступностью в принципе утопична, поскольку, согласно даже официальным статистическим данным, максимальные возможности для ее процветания сосредоточены именно в государственных и политических структурах, СМИ и бизнесе, то есть именно в тех организациях, которые призваны с ней бороться. Вот поэтому юридические, экономические и социальные мероприятия, направленные на борьбу с этим, безусловно, позорным явлением приобретают исключительно формальный бюрократический характер. Субъектами коррупции являются лица, наделенные властными полномочиями, поэтому совсем нетрудно предсказать возможные результаты этой «борьбы».

Эффективный подход к снижению и последующему искоренению коррупции в системе государственного и общественного управления должен опираться на социально-психологический анализ этого феномена, на создание и использование объективных количественных методов психологической диагностики склонности к коррупции и на разработку на основе ее результатов системы антикоррупционной психопрофилактики и психокоррекции мотивационного содержания коррумпированной личности. А формирование антикоррупционного мировоззрения в России станет возможным только после того, как будут выявлены истинные причины и психологические механизмы коррупционного поведения.

Предлагаемые правительством мероприятия по борьбе коррупцией и коррупционной преступностью носят преимущественно карательный характер, что само по себе никогда не давало и не даст позитивного результата. Любые антикоррупционные меры, в том числе наказательные, должны быть научно обоснованы – только тогда они будут адекватно восприняты и дадут положительный результат. Поэтому борьба с коррупцией и коррупционной

преступностью должна опираться в первую очередь на психологическую диагностику склонности к коррупции всех кандидатов на государственные и общественные должности и превентивную профилактику коррупционного поведения. А с психологической точки зрения феномен коррупции в российском истеблишменте, СМИ и бизнесе исследован еще крайне слабо.

Коррупция подрывает саму идею справедливого государственного управления, нагнетает социальную напряженность и, в конечном счете, приводит к разрушению государства, поэтому правительственные меры по ее ограничению необходимы. Но, с другой стороны, даже официальная статистика свидетельствует, что коррупция «хорошо чувствует себя» там, где господствует власть и деньги. А поскольку субъектом коррупционного поведения является конкретный человек, ее причины скрыты не в законе, не в экономике и даже не в обществе, а в каждой отдельной личности, наделенной властными полномочиями. Закон, экономика и общество – всего лишь факторы, которые могут или способствовать, или препятствовать проявлениям «личностного коррупционного диатеза». Отсюда, главным рычагом противодействия коррупции и борьбы с коррупционной преступностью должна стать «психология» человека. Ключ к решению этой проблемы, основанный на строгом научном подходе к анализу глубинных причин феномена коррупции, лежит не в сфере экономических отношений, а в самом человеке. «Человеческий фактор» – вот главная причина коррупции.

Главным отличием человека от любого даже самого высшего животного является наличие у него второй сигнальной системы в виде сформировавшейся в процессе антропогенеза знаковой речи. Но речь – не довесок к безусловным и условным рефлексам, а принципиально новая система регуляции поведения, появляющаяся только у человека. Б.Ф. Поршнев [13] рассматривает функции речи не как продолжение и развитие возможностей рефлексорного поведения, а как противоположные, запретительные по отношению к первосигнальным. Действительно, зачем второй сигнальной системе способствовать и помогать тому, что и без нее обязательно случится.

Человеческая речь появилась как способ отмены, запрета функционирования первой сигнальной системы, и в этом состоит главный определяющий признак отличия речи человека от сигналов, используемых животными. У последних есть довольно развитые системы коммуникации, но нет речи, поскольку в речи для всякого обозначаемого явления – денотата – существует «не менее двух нетождественных, но свободно заменяемых, то есть эквивалентных, знаков или сколь угодно больших систем знаков того или иного рода; их инвариант называется значением, их взаимная замена – объяснением, интерпретацией» [13, с. 57]. Эта синонимичность и делает их собственно знаками. Обратная сторона этого феномена – наличие в человеческой речи для любого знака несовместимого с ним – называется антонимией. Без синонимии и антонимии нет ни объяснения, ни понимания. Таким образом, вторая сигнальная система представляет собой инструмент, позволяющий ограничивать, запрещать функционирование первой. Речь – не дополнение к последней, а принципиально новый способ регуляции поведения, появляющийся только у человека.

Отсюда происходит и двойственность человеческой мотивации. У животных все побуждения имеют первосигнальную природу; у человека имеется механизм, способный запрещать естественные побуждения и замещать их второсигнальными. Это и создает специфические сложности при анализе человеческой мотивации: у каждого человека всегда есть два мотива – настоящий и который «красиво звучит». Первый – неосознанный, перво-

сигнальный, второй – осознаваемый, второсигнальный. Побуждение первого рода – истинная причина поведения, мотив второго рода – попытка оправдания человеком своего поступка с помощью речи. В реальном поведении они почти никогда не совпадают. Публичные высказывания всегда детерминированы мотивами второго рода, а своих истинных побуждений большинство индивидов даже не осознает, и может только предполагать их. В социальной психологии эти предположения определяются как самоатрибуции.

Но и естественная первосигнальная мотивация у человеческих индивидов неодинакова. Человечество, с точки зрения палеопсихологии Б.Ф. Поршнева, «представляет собой парадоксальное общежитие существ, несовместимо разных, от рождения наделенных диаметрально противоположными психогенетическими мотивационными комплексами: стадным (подавляющее большинство) и хищным» [2]. В своем становлении Homo Sapiens прошел страшную стадию адельфофагии, то есть человеческая история началась с людоедства, с хищности, направленной на представителей своего же вида. И создал человека с его второй сигнальной системой «вовсе не труд и не естественный отбор, а смертельный страх перед своим ближним» [2, с. 3].

В процессе антропогенеза сформировалось два хищных вида: суперанималы (сверхживотные, обладающие второй сигнальной системой) – потомки первоубийц-адельфофагов и суггесторы – агрессивные приспособленцы, подражатели и приспешники суперанималов, обладающие высокой способностью к внушению и манипулированию другими. Хищные виды пошли по пути наименьшего сопротивления, очень хорошо «обкатанному» природой. Для двух нехищных человеческих видов характерно врожденное неприятие насилия: диффузный вид – люди, легко поддающиеся внушению и неоантропы, обладающие обостренной нравственностью. Последние представляют новый человеческий вид, который появился сравнительно недавно, в период с 800 по 200 год до н.э. К. Ясперс назвал этот интервал в истории человечества «осевым временем». Именно тогда впервые появились этически зрелые человеческие индивиды, способные к критическому мышлению, то есть нравственные люди, обладающие третьей сигнальной системой.

Если речь дает человеку возможность ограничивать и запрещать функционирование первой сигнальной системы, то третья сигнальная система становится способной контролировать вторую с позиции нравственных категорий.

Существование различных врожденных пружин человеческой мотивации: «злость», «эгоизм» и «сострадание» отмечал и А. Шопенгауэр, что четко соответствует жизненным ориентациям суперанималов, суггесторов и нехищных индивидов. Русский ученый – педагог, анатом, врач – П.Ф. Лесгафт на основе своих многолетних наблюдений над детьми-школьниками выделил так называемые «школьные типы»: «честолюбивый», «лицемерный» и «добродушный». У первые двух отсутствуют моральные устои. Став взрослыми, нравственных качеств они в себе не добавляют. «Утром, убив своих родителей, они заснут вечером сном праведника» – так характеризовал их П.Ф. Лесгафт [5]. При негативном воспитании эти три основных личностных типа развиваются в «злостно-забитый», «мягко-забитый» и «угнетенный». Из них лишь последний обладает нравственностью (может даже – обостренной, что свойственно неоантропам). Интеллектуальные способности, эмоции, воля, темперамент, считает П.Ф. Лесгафт – это всё производные качества. Как утверждает И. Смирнов, человек отличается от животного нравственностью – и с ним трудно не согласиться.

Внешне представители четырех человеческих видов очень похожи – популяционная

генетика трактует это явление как существование видов-двойников. Главное же различие между ними – мотивационное, различие в истинных побуждениях к определенному поведению. Хищная мотивация есть причина безудержного стремления к власти, к подавлению и доминированию, получению личной выгоды, к совершению преступлений. Суперанималы – потомки адельфофагов-каннибалов – и суггесторы различаются лишь способами реализации своих хищных побуждений: для первых характерны насилие и агрессия, для вторых – эгоизм и циничность, склонность к ненасильственным преступлениям, в частности к коррупции.

В рассматриваемом контексте вид понимается классически – это биологическое понятие, которое можно определить как совокупность особей, способных давать репродуктивное потомство. Многочисленные клинические наблюдения и жизненные факты свидетельствуют, что гибриды хищных и нехищных видов во 2-3 поколениях становятся бесплодными, хотя в первом возможен феномен гетерозиса, описанный Л.Н. Гумилевым как пассионарность. А О.Б. Морель, Ч. Ломброзо, М. Нордау, С. Сигеле и др. рассматривали эти процессы с позиции теории дегенерации.

Вторая сигнальная система позволяет хищным человеческим видам скрывать свои истинные побуждения, и, тем не менее, соответственно именно этим особенностям мотивации выстраивается система доминирования и иерархии во всех человеческих сообществах. В настоящее время предельно жестокие, основанные на физическом насилии властные режимы суперанималов – деспотии, тирании – уже почти полностью ушли в прошлое и остались лишь в «неофициальном» криминальном подполье. Властные структуры сейчас стали вотчиной суггесторов – вот она, настоящая причина коррупции. Поэтому бесполезно бороться с коррупцией как общественным феноменом, в этой борьбе необходимо сосредоточиться на индивидах, склонных к ней. В первую очередь нужно научиться четко, определять тех, у кого такие формы поведения являются врожденными, то есть представителей хищного вида суперанималов и суггесторов. Конечно, никакая антикоррупционная психотерапия в этих случаях не поможет, но коррупционное поведение может быть также результатом социального научения нехищных диффузных людей в силу их очень высокой внушаемости. В такой ситуации эффективными будут специально разработанные психотерапевтические и психопрофилактические технологии [6; 8; 9].

Литература:

1. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. №102 С.323-328. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korruptsionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWp>.
2. Диденко Б. Хищная власть. Зоопсихология сильных мира сего. М., 1997.
3. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Коррупция в современной России: психологический аспект // Российское общество. 2012. №2. С. 56-65.
4. Журавлев А.Л., Юревич А.В. Психологические факторы коррупции // Вестник Российской Академии Наук. 2015. Т.85. №11. С. 1019-1027.
5. Лесгафт П.Ф. Школьные типы. Антропологический этюд. М., 1971.
6. Морогин В.Г. Палеопсихологическая модель коррупции // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право: Матер. Всеросс. научн.-практ. конф., Томск 15-16

апреля 2015 г. / Под общ. ред. к.п.н. А.А. Вотинова. Выпуск 3; Томский ИПКР ФСИН России. Томск: Изд-во «Графика», 2015. С. 215-224.

7. Морогин В.Г., Мазиллов В.А. Исследования коррупции: ценностно-потребностный подход // Дополнительное профессиональное образование в условиях модернизации: материалы седьмой всероссийской научно-практической интернет-конференции (с международным участием) / Под науч. ред. М. В. Новикова. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2015. С. 181-227.

8. Морогин В.Г. Антропологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть II. Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. – 2016.- № 3. - С. 162-178.

9. Морогин В.Г. Антропopsихологические основания ценностно-потребностной диагностики предрасположенности к коррупции. Часть II Ценностно-потребностная диагностика человеческих видов, предрасположенных к коррупции // Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы Материалы VI Международного молодежного научно-культурного форума. 2016. С. 341-347.

10. Образование в этнополикультурной среде: состояние, проблемы, перспективы: Материалы VI Международного молодежного научно-культурного форума. Томск, ТГПУ: 2016.

11. О мерах по противодействию коррупции: Указ Президента РФ от 19.05.2008 № 815 // Российская газета. № 108 от 22.05.2008, изменения внесены Указами Президента от 13.04.2010 № 460 и от 13.03.2012 № 297.

12. О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ // Российская газета. Федеральный выпуск № 4823 от 30.12.2008.

13. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. Проблемы палеопсихологии. М.: Мысль, 1974.

14. Рейтинг стран мира по уровню восприятия коррупции // Центр гуманитарных технологий. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.

15. Репецкая А.Л. Российская коррупционная преступность: характеристика и противодействие // Актуальные проблемы профилактики коррупции в России на современном этапе: сборник материалов методологического семинара / Отв. ред. Д.Д. Невишко. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2010. 184 с.

16. Corruption Perceptions Index 2011 URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results>.

References:

1. Vannovskaja O.V. Lichnostnye determinanty korrupcionnogo povedenija // Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena. 2009. №102 S.323-328. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-determinanty-korrupcionnogo-povedeniya#ixzz3YDRFPZWp>.

2. Didenko B. Hishhnaja vlast'. Zoopsihologija sil'nyh mira sego. M., 1997.

3. Zhuravlev A.L., Jurevich A.V. Korrupcija v sovremennoj Rossii: psihologicheskij aspekt // Rossijskoe obshhestvo. 2012. №2. S. 56-65.

4. Zhuravlev A.L., Jurevich A.V. Psihologicheskie faktory korrupcii // Vestnik Ros-sijskoj Akademii Nauk. 2015. T.85. №11. S. 1019-1027.

5. Lesgaft P.F. Shkol'nye tipy. Antropologicheskij jetjud. M., 1971.

6. Morogin V.G. Paleopsihologicheskaja model' korrupcii // Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pedagogika, psihologija i pravo: Mater. Vseross. nauchn.-prakt. konf., Tomsk 15-16 aprelja 2015 g. / Pod obshh. red. k.p.n. A.A. Votnova. Vypusk 3; Tomskij IPKR FSIN Rossii. Tomsk: Izd-vo «Grafika», 2015. S. 215-224.

7. Morogin V.G., Mazilov V.A. Issledovanija korrupcii: cennostno-potrebnostnyj podhod // Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie v uslovijah modernizacii: materialy sed'moj vserossijskoj nauchno-prakticheskoj internet-konferencii (s mezhdunarodnym uchastiem) / Pod nauch. red. M. V. Novikova. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2015. S. 181-227.

8. Morogin V.G. Antropologicheskie osnovanija cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolzhenosti k korrupcii. Chast' II. Cennostno-potrebnostnaja diagnostika chelovecheskih vidov, predraspolzhenyh k korrupcii // Vestnik po pedagogike i psihologii Juzhnoj Sibiri. – 2016.- № 3. - S. 162-178.

9. Morogin V.G. Antropopsihologicheskie osnovanija cennostno-potrebnostnoj diagnostiki predraspolzhenosti k korrupcii. Chast' II Cennostno-potrebnostnaja diagnostika chelovecheskih vidov, predraspolzhenyh k korrupcii // Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma. 2016. S. 341-347.

10. Obrazovanie v jetnopolikul'turnoj srede: sostojanie, problemy, perspektivy: Materialy VI Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchno-kul'turnogo foruma. Tomsk, TGPU: 2016.

11. O merah po protivodejstviju korrupcii: Ukaz Prezidenta RF ot 19.05.2008 № 815 // Rossijskaja gazeta. № 108 ot 22.05.2008, izmenenija vneseny Ukazami Prezidenta ot 13.04.2010 № 460 i ot 13.03.2012 № 297.

12. O protivodejstvii korrupcii: Federal'nyj zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 4823 ot 30.12.2008.

13. Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. Problemy paleopsihologii. M.: Mysl', 1974.

14. Rejting stran mira po urovnju vosprijatija korrupcii // Centr gumanitarnyh tehnologij. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/corruption-perceptions-index/info>.

15. Repeckaja A.L. Rossijskaja korrupcionnaja prestupnost': harakteristika i proti-vodejstvie // Aktual'nye problemy profilaktiki korrupcii v Rossii na sovremennom jetape: sbornik materialov metodologicheskogo seminaru / Otv. red.D.D. Nevirko. Krasnojarsk: SibJul MVD Rossii, 2010. 184 s.

16. Corruption Perceptions Index 2011 URL: <http://cpi.transparency.org/cpi2011/results>.

Сведения об авторе

Владимир Григорьевич **Морогин**, доктор психологических наук, профессор кафедры общей и клинической психологии; директор научно-образовательного центра экспериментальной психологии личности, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова; действительный член Международной академии психологических наук (Абакан, Россия).